

УДК 343.222.1

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.442-449

КОНСТАНТИН АНТОНОВИЧ СЫЧ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: vladimir_1@inbox.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВИНЫ В ДЕЙСТВУЮЩЕМ УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Для цитирования

Сыч, К. А. Концептуальные проблемы вины в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (постановка проблемы) / К. А. Сыч // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 4. – С. 442–449. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.442-449.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы оценочной концепции вины в современном уголовном праве, поднимается вопрос о необходимости научного обсуждения оценочной теории вины. Законодательные модели вины зарубежных государств основываются на различных концепциях вины: нормативной, психологической и оценочной. Законодательные конструкции вины этих государств разные. Например, в Уголовном кодексе Германии отсутствует законодательное определение родового понятия вины, оно определяется судом. Законодательная модель вины Уголовного кодекса Российской Федерации основывается на психологической концепции вины, которая сводит родовое понятие вины к значению сознательной и волевой деятельности лица, совершившего общественно опасное деяние. Сознание и воля являются признаками любого социально значимого поведения лица. Эти психологические признаки характерны и для вменяемости как правового признака субъекта преступления. Обращаем внимание исследователей рассматриваемой проблемы на то, что судьи и присяжные заседатели определяют виновность лица, совершившего деяние, содержащее все признаки преступления, по-разному. Например, присяжные заседатели не руководствуются законодательным определением понятия вины и ее формы (умысел или неосторожность), а определяют виновность на основании оценки объективных признаков совершенного деяния, характеристики лица, совершившего общественно опасное деяние. Таким образом, установление судом в деянии сознательно-волевого аспекта только дает начало процессу определения виновности лица, а это возможно при использовании оценочной теории вины.

© Сыч К. А., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: вина, формы вины, виновность, принципы уголовного права, объективные и субъективные признаки вины, состав преступления.

Исторический анализ развития института вины в российском уголовном законодательстве позволяет утверждать, что отношение законодателя к этому правовому явлению далеко не однозначное. Достаточно указать на то обстоятельство, что в советский период истории уголовного законодательства (УК РСФСР 1926 г.) субъективная сторона преступления была представлена «опасным состоянием личности», детищем социологической школы уголовного права, которая отрицала вину как институт уголовного права. Это привело, как известно, к объективному вменению, связанному с наступлением негативных правовых последствий для лица, вина которого отсутствовала. Только с принятием Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. положение дел изменилось в пользу субъективного вменения, где вина признавалась основным признаком субъективной стороны преступления.

Современная доктрина уголовного права отчетливо закрепляет, что вина является одним из важнейших признаков состава преступления, который определяет субъективный аспект уголовной ответственности. Это аксиома, которая не оспаривается во всех мировых системах права. Вместе с тем, видимо, следует признать, что проблема вины заключается в разных концептуальных подходах к определению ее родового понятия. Более того, ряд уголовных законодательств, преимущественно европейских, например УК Франции (ст. 123-3), УК Испании (ст. 10), УК ФРГ (ст. 15), признают умысел и неосторожность в качестве форм вины, но не определяют их содержание нормативно, непосредственно в норме закона. Уголовно-правовая доктрина этих государств относит вопросы определения содержания вины исключительно к ведению суда.

Известно, что мировые тенденции развития вины в науке уголовного права основываются преимущественно на идеях нескольких концепций: психологической, оценочной и нормативной. Российское уголовное право традиционно основывается на положениях психологической концепции вины, где интеллектуальный и волевой признаки выступают в качестве основных критериев определения вины.

В русской дореволюционной науке уголовного права психологическое направление развития вины было широко представлено в работах Н. С. Таганцева, Н. Д. Сергиевского, С. В. Познышева и других криминалистов. Представляет интерес точка зрения С. В. Познышева, который под виною понимал «проявленное субъектом такое настроение, при котором он действует преступным образом, сознавая или, по крайней мере, имея возможность сознавать преступный характер своего поведения и находясь в таких обстоятельствах, что мог бы от данного поведения удержаться, если бы у него не были недоразвиты противодействующие последнему чувствования и представления» [1, с. 47]. Обращает на себя внимание то, что автор связывает интеллектуальный признак вины не с деянием, а с преступным характером поведения лица, то есть с противоправностью поведения. Это обстоятельство существенно отличает его от определения вины, закрепленного в действующем УК РФ. С. В. Познышев представил вину как оценочную категорию, основываясь на интеллектуальном и волевом аспектах личности.

Оценочную концепцию вины в юридической литературе традиционно связывают с именем немецкого криминалиста Р. Франка, который в 1907 г. опубликовал работу, где поставил под сомнение ряд положений психологической концепции вины: умысел и неосторожность не являются формами вины, по мнению данного автора, а только элементами этого понятия [2, с. 277].

Упрек личности за ее поведение, по мнению сторонников оценочной концепции вины, является главным звеном, которое объединяет другие его элементы – вменяемость, умысел и неосторожность. Противоправное поведение во многом определяет это обстоятельство, за которое можно упрекнуть лицо [2, с. 277]. Уголовный закон лишь в самой общей форме устанавливает, какое поведение заслуживает упрека. Упрек в этом случае выступает как оценочное суждение судьи.

В советской науке уголовного права оценочную концепцию вины отстаивал профессор Н. Д. Дурманов, который еще в 1945 г. отмечал, что «виновность есть оценочная категория, ничего общего не имеющая с установлением совершенно объективного факта, является ли данное лицо причиной, так сказать, автором данного результата» [3, с. 52]. Вполне очевидно, что он признавал совершенное лицом деяние и наступившие его последствия как признаки объективной стороны преступления, выступающие в качестве юридического факта для установления виновности.

Концептуальные идеи вины как оценочной категории были положены в основу известной работы Б. С. Утевского «Вина в советском уголовном праве», где последняя рассматривалась в качестве основания уголовной ответственности [4, с. 50–98].

К сожалению, следует признать, что оценочная концепция вины в советской, как, впрочем, и в постсоветской, науке уголовного права не получила своего развития и была, как утверждают авторы учебника «Курс советского уголовного права», изданного в 1970 г. в издательстве «Наука», категорически осуждена большинством советских криминалистов [2, с. 282; 5, с. 269]. В силу этого обстоятельства господствующая позиция по поводу вины сводилась к значению осознания лицом общественной опасности совершенного им деяния. Весьма показательной в этом отношении является точка зрения профессора А. Н. Трайнина, который относил «осознание лицом общественной опасности своего поведения» к элементу состава преступления и основанию уголовной ответственности [6, с. 43]. Справедливости ради следует признать, что эта позиция А. Н. Трайнина была весьма удачной, учитывая исторические реалии учения о вине советской доктрины уголовного права, хотя были и более радикальные позиции. В частности, Б. С. Маньковский пришел к выводу о том, что, исходя из сущности виновности, осознание противоправности является одним из моментов понятия вины [7, с. 146]. А. И. Рарог, характеризуя умысел, отмечал, что предметом сознания как элемента умысла является не только общественная опасность, но и осознание противоправности своего деяния [8, с. 34].

В постсоветский период развития теории вины сходную позицию занимал А. И. Марцев, который считал, что «осознание общественной опасности своего деяния» предполагает осознание и противоправности деяния [9, с. 127]. Представляется, что попытка вывести признак «осознание противоправности» из понятия «общественная опасность деяния» не совсем удачная, учитывая самостоятельность этих признаков в понятии «преступление». Между тем существующая судебная практика, которая опирается на законодательную модель вины, основанную на принципах психологической теории рассматриваемого правового явления (гл. 5 УК РФ), лишь устанавливает, что совершенное лицом деяние является его сознательно-волевым актом, присущим, как известно, любому рациональному социальному поведению личности. Законодательная модель прямого умысла указывает, таким образом, что совершенное лицом деяние является актом его сознательной и волевой деятельности, а не механическим его телодвижением. Этот аспект сознательной и волевой деятельности лица, на наш взгляд, в большей мере характеризует его вменяемость, а не виновность. Под сознательной (интеллектуальной) и

волевой деятельностью понимаются происходящие психические процессы, скрытые, как известно, в коре головного мозга, которые определяют юридически значимое поведение лица для достижения поставленных им социальных целей. Установить результаты сознательной и волевой деятельности возможно лишь посредством оценки объективных показателей, непосредственно связанных с обстоятельствами совершенного лицом деяния. Отсюда можно сделать вывод о том, что совершенное лицом общественно опасное деяние, характеризуемое как акт его сознательной и волевой деятельности, является лишь юридическим поводом для выяснения главного вопроса: почему лицо приняло решение вступить в противоречия с требованиями уголовного закона, несмотря на угрозу наказания, и какие мотивы (цели) побудили его реально совершить деяние, причинившее разной степени вред человеку, обществу или государству? Например, когда родители запирают свою несовершеннолетнюю дочь в ее комнате, естественно, в определенное время, в целях ее безопасности или чтобы оградить от «дурной» компании, попавшей под влияние криминальной среды. Известный русский философ права И. Ильин, характеризуя виновность или невиновность человека, отмечал, что эти уголовно-правовые категории определяются отношением руководящей воли лица к цели права [5, с. 267]: правонарушитель будет признан виновным даже в том случае, если он нарушил норму положительного права по недостаточной воле к цели права, и будет невиновен в том случае, если верный правопорядок был его целью и мотивом [5, с. 269]. Иными словами, еще в русском уголовном праве ставился вопрос о том, что вина должна определяться через психическое (сознательно-волевое) отношение лица к цели права или права в целом посредством оценки объективных признаков совершенного деяния.

К. Роксин приходит к выводу о том, что господство психологической теории вины в национальных доктринах уголовного права объясняется натуралистическим мышлением прошлого, когда считалось, что правовые понятия можно вывести из данных естественных наук [10, с. 147]. Приведенная позиция представляется нам справедливой, поскольку этот отголосок прошлого по-прежнему не преодолен современной наукой уголовного права, которая должна рассчитывать только на результаты своих достижений, понимая при этом, что психологические категории не всегда удастся воплотить в значение права. Например, законодательное определение прямого умысла (ч. 2 ст. 25 УК РФ) есть не что иное, как конкретизация юридического критерия вменяемости, который является, как известно, предтечей вины. Вменяемость в характеристике субъекта преступления выступает в значении презумпции, то есть предполагается, что лицо, совершившее общественно опасное деяние, действовало или бездействовало в состоянии вменяемости, и данный вопрос не выясняется до тех пор, пока не возникает сомнение по поводу его вменяемости [11, с. 34]. Стало быть, вменяемость применительно к характеристике субъекта преступления выступает в значении потенциальной возможности лица осознавать свое деяние и руководить своим поведением, а в отношении вины – осознанием преступного характера своего деяния, предвидения негативных последствий и способностью руководить своим поведением для достижения поставленной цели. Известный русский криминалист профессор Н. С. Таганцев по этому поводу отмечал, что лицо, обладающее способностью к вменению, только тогда учитывает преступное и наказуемое деяние, когда оно в этом деянии проявляет или имеет возможность проявить эту способность, когда совершенное посягательство состоит в известном соотношении с сознанием лица, с его психической работой, предшествующей виновности, проявляет его хотение и волю [12, с. 267]. В связи с этим представляет интерес точка зрения

А. И. Санталова, который еще в 1965 г. выделял два аспекта вины – психологический и социально-правовой: психологический аспект характеризует предвидение субъектом последствий и отношение к ним, а социально-правовой – осознание или возможность осознания общественно опасного или уголовно-правового характера совершенного им деяния и его последствий [13, с. 124].

Кроме того, определить неосторожную форму вины в виде небрежности, основываясь на критериях психологической теории вины действующего УК РФ, крайне затруднительно, если не использовать оценочные критерии установления виновности или невиновности лица, совершившего общественно опасное деяние, подпадающее под признаки статей Особенной части УК РФ. В частности, ч. 3 ст. 26 УК РФ указывает, что преступление признается совершенным по небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло было предвидеть эти последствия, где виновность представлена волевым признаком или, скорее, его отсутствием. В связи с этим нетрудно заметить, что установить законодательные признаки «должно было» и «могло было» при определении преступной небрежности можно лишь посредством оценки объективных обстоятельств содеянного. Психологические критерии определения вины в приведенном случае оказываются, по-видимому, малопригодными. Более того, законодательные признаки «должно было» и «могло было» составляют юридический аспект рассматриваемой проблемы, поскольку устанавливаются в результате не судебно-медицинской экспертизы, а оценки объективных доказательств, собранных по уголовному делу, а также оценки статуса личности, ее позитивных и негативных характеристик и других обстоятельств. Вместе с тем необходимо отметить, что психологическая характеристика лица принципиально не влияет на определение преступной небрежности содеянного. В связи с этим представляет интерес ст. 22 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости. Субъект может осознавать общественно опасный характер своего поведения или руководить им, но в силу определенных нервных процессов он не в состоянии делать это в полной мере [14, с. 17–18]. Возможность осознавать общественно опасный характер своего поведения или руководить им отсутствует у лица не потенциально, а только в момент совершения деяния.

Вменяемость отмеченных лиц сопряжена с психическим характером, который не носит патологии – не считается психической болезнью, психическим расстройством. Это так называемые аномальные состояния, которые определяются относительным постоянством психофизиологических реакций. К ним относят крайние типы характеров: холерический или меланхолический. Например, по темпераменту лицо является меланхоликом, значит, его психические процессы связаны с тем, что торможение явно преобладает над возбуждением, в результате этого обстоятельства он не мог своевременно предвидеть наступления негативных последствий своего бездействия. Однако суд должен будет признать в его бездействии признаки преступной небрежности, поскольку категория «должно было» связывается с требованиями закона или иного нормативно-правового акта, который накладывает обязанность по необходимой внимательности или предусмотрительности (ч. 3 ст. 26 УК РФ).

Важным аспектом рассматриваемых вопросов является соотношение категорий «вина» и «виновность». В этом плане наиболее показательным является известное уголовное дело террористки Веры Засулич, которая обвинялась в покушении на убийство градоначальника генерала Трепова: несмотря на наличие в ее деянии состава престу-

пления, суд присяжных признал ее невиновной. Стало быть, категории «вина» и «виновность» того исторического периода развития уголовного права России рассматривались не как тождественные категории. В действующем УК РФ (ч. 1 ст. 24) закрепляется, что «виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности». Из этого законодательного понятия следует, что виновность определяется через объективные признаки совершенного деяния, следовательно, вина есть только догматическая категория, как совокупность определенных субъективных признаков, характеризующих интеллектуально-волевой аспект лица, совершившего общественно опасное деяние. Не случайно, по-видимому, ст. 49 Конституции РФ указывает, что виновность должна устанавливаться вступившим в законную силу приговором суда. Иными словами, высший законодательный акт указывает, что виновность определяет суд в обвинительном приговоре. Вина, понимаемая как интеллектуально-волевой акт лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние, может определяться даже следственными органами в обвинительном заключении. В противном случае придется признать, что органы предварительного следствия устанавливают в деянии лица не все признаки состава преступления. Тогда возникает вопрос: на каком основании обвинительное заключение передается в суд, если в деянии лица установлены не все признаки состава преступления? Виновность более широкая категория, которая включает в свое содержание субъективные и объективные признаки. Отсюда следует, что виновность лица устанавливает исключительно суд в своем обвинительном приговоре.

Именно виновность, определяемая как объективно-субъективная категория, позволяет не привлекать к уголовной ответственности определенную группу лиц, пользующихся различного рода иммунитетом: дипломатическим (ч. 4 ст. 11 УК РФ), президентским (с. 93 Конституции РФ), депутатским (ст. 98 Конституции РФ), судебским (ст. 122 Конституции РФ), несмотря на то что в их деянии может быть состав преступления, включая, естественно, его субъективную сторону.

Вполне очевидно, что психологическая теория вины, на которой основывается законодательная концепция УК РФ, не способна предложить необходимых критериев оценки мотивов лица, побудившего его вступить в противоречие с уголовным законом. Установление в деянии лица того, что это его сознательно-волевой акт, еще не говорит о его виновности или невиновности. С момента установления сознательно-волевых признаков совершенного деяния только начинается процесс определения виновности или невиновности лица. В связи с этим обращает на себя внимание то обстоятельство, что в постановлениях Верховного Суда РФ прямо указывается на глубокий анализ всех обстоятельств совершенного преступления лицом, включая, естественно, его мотивы и цели, при определении судом виновности или невиновности личности. Более того, суд присяжных при определении вины лица основывается на принципах оценочной теории вины. Из этого следует, что суд, определяя виновность лица, устанавливает только сознательно-волевой аспект его поведения, с которого начинается определение вины. Суд присяжных, напротив, опираясь на оценку всех обстоятельств совершенного лицом деяния, свободную от правовой догматики вины действующего УК РФ (гл. 5), определяет действительно, что оно виновно в совершенном деянии. Сам факт совершения лицом деяния, запрещенного уголовным законом, рассматривается судом присяжных лишь формально-правовым поводом для установления его вины.

Представляет интерес доктрина уголовного права Франции, которая предусматривает разные ступени умысла: преднамеренный, неопределенный и специальный. При этом УК Франции (ст. 121-3) только указывает на умысел или неосторожность как

формы вины, не определяя их содержания. Преднамеренность признается обстоятельством, отягчающим преступность деяния, например убийства (ст. 221-3 УК Франции), поскольку она формируется на протяжении значительного времени до начала действий по совершению определенного преступления или проступка. Неопределенный умысел предусматривается тогда, когда лицо желало причинить вред охраняемому уголовным законом объекту, но не осознавало точного размера такого вреда. Специальный умысел признается в том случае, когда в диспозиции статьи уголовно-правовой нормы есть указание на совершение деяния с определенной целью, которая подлежит доказыванию.

Уголовная ответственность за преступные деяния, которые характеризуются неосторожной формой вины, наступает только тогда, когда неосторожность причинила тяжкие последствия (смерть, телесные повреждения, пожар и т. д.) или когда преступное деяние совершено специальным субъектом, обязанным быть особо осторожным, например, лицом, которое охраняет секреты национальной обороны (абз. 3 ст. 413-10 УК Франции) [15, с. 294]. При этом следует отметить, что в соответствии с УК Франции неосторожные преступные деяния, какой бы они вред ни причинили, являются проступками, которые наказываются мерами наказания, не связанными с лишением свободы (тюремным заключением).

Особый интерес представляют преступные деяния со специальной формой вины, которая предполагается в определенных случаях и не подлежит доказыванию, например, водитель проехал на красный сигнал светофора, совершая, таким образом, преступное деяние.

Приведенные примеры из законодательной и правоприменительной практики, не только отечественной, но и зарубежной, доказывают, что сводить вину лишь к значению сознательно-волевого акта не совсем рационально. Содержание форм вины не может определяться уголовно-правовой догматикой, поскольку жизненные обстоятельства и мотивация поведения людей являются более разнообразными, и их трудно предусмотреть заранее в уголовном законе. Оценочная теория вины, воплощенная в законодательную и судебную практику, потенциально имеет больше возможностей установления виновности или невиновности лица, совершившего деяние, запрещенное уголовным законом.

Статья имеет целью поставить на научное обсуждение вопросы оценочной теории вины в связи с двойственным подходом судебной практики к определению виновности или невиновности лица. Суд присяжных, например, не руководствуется уголовно-правовой догматикой при определении виновности или невиновности, а использует оценочные категории, связанные с обстоятельствами совершения деяния, характеристикой личности, мотивов и целей совершения деяния.

В связи с этим вполне очевидно, что мотив и цель имеются практически во всех умышленных преступлениях, которые не могут рассматриваться, на наш взгляд, в качестве лишь факультативных признаков субъективной стороны для большинства преступлений. Отмеченные категории являются важнейшими оценочными критериями установления вины.

Библиографический список

1. Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М., 1912. 668 с.
2. Курс советского уголовного права : в 6 т. М. : Наука, 1970. Т. 2 : Преступление. 453 с.

3. Дурманов Н. Д. Общие основания учения о причинной связи в уголовном праве // Вопросы уголовного права. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944. Сб. 1. С. 34–55.
4. Утевский Б. С. Вина в советском уголовном праве. М. : Госюриздат, 1950. 319 с.
5. Ильин И. Общее учение о праве и государстве. М. : АСТ ; Хранитель, 2006. 416 с.
6. Трайнин А. Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М. : Госюриздат, 1951. 388 с.
7. Маньковский Б. С. Проблема ответственности в уголовном праве. М. : АН СССР, 1949. 123 с.
8. Рарог А. И. Общая теория вины в уголовном праве : учеб. пособие. М. : ВЮЗИ, 1980. 91 с.
9. Марцев А. И. Общие вопросы учения о преступлении. Омск : Ом. юрид. ин-т МВД России, 2000. 136 с.
10. Роксин К. Основания уголовно-правовой ответственности и личность преступника // Актуальные вопросы современного уголовного права, криминологии и уголовного процесса : сб. науч. тр. / отв. ред. О. Л. Дубовик, Ю. С. Пивоваров. М. : ИНИОН, 2003. С. 143–148.
11. Козаченко И. Я., Сухарев Е. А., Гусев Е. Л. Проблемы уменьшенной вменяемости. Екатеринбург : Урал. юрид. акад., 1993. 35 с.
12. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. СПб. : Гос. тип., 1902. 823 с.
13. Санталов А. И. О единстве психологического и социально-правового аспектов вины // Тезисы докладов и сообщений на межвузовской конференции по теоретическим и методологическим проблемам правовой науки. Кишинев, 1965. С. 216–219.
14. Иванов И., Брика И. Ограниченная вменяемость // Следователь. 1999. № 7. С. 17–18.
15. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / под ред. И. Д. Козочкина. М., 2003. 576 с.